

Зуева О. В. (Минск)

**К проблеме разграничения эксплицитной и имплицитной оценки
в древнерусском публицистическом тексте**

Категория оценки, давно являющаяся предметом исследований философов, логиков, историков и искусствоведов, во второй половине XX века оказалась «в поле зрения» лингвистов, что весьма закономерно. Оценка как суждение, как мнение о положительной или отрицательной значимости чего-либо имеет принципиально языковую природу. Как пишет известный когнитивист Н. Н. Болдырев, «в окружающем нас мире нет хороших или плохих вещей в абсолютном смысле, они выделяются как таковые только в сознании человека и только с помощью и на основе языка» [2].

Основания для анализа и критерии выявления оценочной семантики языковых единиц, типы оценочных значений на материале современных языков детально разработаны в работах Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, Т. В. Маркеловой, Т. В. Писановой и других ученых. Однако изучение категории оценки по данным письменных памятников в настоящее время проходит этап становления (труды А. Ф. Журавлева, А. А. Кожинной, Л. П. Дроновой, Н. С. Ковалева, М. В. Пименовой). Это обстоятельство обусловило актуальность исследования, фрагмент которого представлен в данной статье. Изучение языковой оценочной семантики на уровне слова, высказывания или текста в диахронии непосредственно связано с реконструкцией картины мира, индивидуальной или коллективной, существовавшей в сознании представителя той или иной культуры. Интерес представляет не только наличие или отсутствие аксиологического компонента в значении языковой единицы, но и характер вербализации этого значения.

Объектом исследования, один из аспектов которого раскрывается ниже, является языковое выражение восприятия феномена «иная вера» в древне- и старорусской публицистике. Источники материала – малоисследованные с этой точки зрения тексты XI–XVII вв. (14 памятников) [3], посвященные церковной полемике ортодоксальных православных с язычниками, католиками, еретиками, раскольниками. В настоящем докладе анализируется языковая оценка (отрицательная, что очевидно) славянского язычества.

Общая отрицательная оценка представлена широким кругом частных отрицательных оценок. Мы опираемся на классификацию, разработанную Н. Д. Арутюновой [1], а именно выделяем семь частнооценочных значений: сенсорно-вкусовые, психологические

интеллектуальные и эмоциональные, этические, эстетические, утилитарные, телеологические, нормативные. Сенсорно-вкусовые значения, конечно, не представлены в нашем материале; утилитарные и телеологические редки.

Цель проведенного исследования – проанализировать способы выражения и выделить критерии разграничения явной (эксплицитной) и скрытой (имплицитной) отрицательной оценки у номинативных и предикативных единиц, описывающих явление «иная вера – язычество» в древнерусских текстах, созданных в поддержку православия. Таким образом, объект исследования – слова и высказывания; предмет исследования – характер экспликации их оценочного значения.

Наблюдения над стилем памятников древнерусской православной публицистики показали, что в подавляющем количестве проанализированных контекстов невозможно однозначно определить, явно или косвенно выражается отрицательное отношение авторов к предмету речи. Например, в словах *волхвъ*, *погании* с точки зрения идеологии христианства содержится нормативная частная оценка: неправильно не быть христианином, совершать нехристианские действия. Но как выражена эта оценка – эксплицитно или имплицитно? Отрицательная оценка заключается в сигнификативном или коннотативном компоненте значений слов?

Эксплицитным является выражение отрицательной оценки при наличии **пейоративного компонента в прямом значении слова**, называющего актуализируемое понятие или входящего в состав характеризующего его высказывания. Например: *Мнози же отъ человекъ се творять по злоумию своему* – здесь и далее выдержки из текстов приводятся в упрощенной орфографии (Слово о посте к невежам, XIII в. [3, с. 15]). Причина соблюдения языческого культа номинируется лексемой *злоумие* с прозрачной внутренней формой и аксиологическим компонентом в прямом лексическом значении – интеллектуальная и этическая частные оценки. Аналогичные примеры: *прелицены есмы скверными бабами, то мнози глаголють дияволомъ научени, то си бабы... не бога призывают, они прокляты, и скверны, и злокознены...* – нормативная, эмоциональная и этическая частные оценки (Слово св. отца Кирилла о злых духах, по ркп. XIV в. [3, с. 70]); *таковии нарицаются кармогоузьци, а не раби божьи* – эмоциональная частная оценка (Слово св. Григория, как первые язычники служили идолам, к. XIII – нач. XIV вв. [3, с. 25]). *Кармогоузьци* – ‘чревоугодники’, о священнослужителях, которые соотнесли Богородицу и рожаницу. Отметим, что фигура противопоставления в последнем примере *а не раби божьи* также служит средством

выражения эксплицитной оценки, но именно синтаксическим средством, так как само по себе словосочетание *раб божий*, на наш взгляд, не может считаться эксплицитно оценочным: оно выражает именно принадлежность к социальной группе «свой, христианин», противопоставленной группе «чужой», и только в данном контексте и подобных приобретает явную оценочность.

Пейоративный компонент значения выявляется только по историческим словарям. К сожалению, их хорошо известный круг неширок. Например, глаголы *мьнети*, *мьнити*, по данным словаря И. И. Срезневского, в древнерусском языке имели значение ‘думать’, без оттенка смысла ‘заблуждение, ложное ожидание’ [4]. С этой точки зрения выражение *мняще крестьяны* (‘считающие себя христианами’, о двоеверцах) может не выражать эксплицитной этической оценки, хотя очевидно понимается и средневековым, и современным читателем как «ложное представление о себе».

Метафорические выражения, в том числе прецедентные, могут выражать этическую и интеллектуальную эксплицитную оценку, например, *о таковыхъ бо рече пророкъ: окамене бо сердце людии сихъ, оушима тяжко слышаша и очи свои смежиша* (Слово некоего христороубца, по ркп. XIV в. [3, с. 42]).

Как уже было отмечено выше, оборот, самостоятельно не передающий прямой оценки в силу лексического значения входящих в него слов, может приобретать ее **в контексте**, причем оценку именно эксплицитную. Например, извлеченные из высказывания *...тем же, възлюблении, бегаите жертвъ идольскихъ, и требъ кладения, и всея службы идольския* [3, с. 42] словосочетания *жертвъ идольскихъ, требъ кладения, службы идольския* не передают прямой оценки (проблема квалификации таких единиц рассматривается ниже). Однако сочетание их с глаголом *бегаите* выявляет негативный характер названных ими реалий. Аналогично эти же реалии, также номинируемые нейтрально, получают эксплицитную этическую оценку в **суждении с оценочным предикатом**: *ему же и другая подобна вина: жертвы приносятъ бесомъ* (Слово св. отца Моисея о клятвах, XIV в. [3, с. 189]) – то есть *приносить жертвы бесомъ* есть *вина*.

На уровне высказывания эксплицитная оценка наиболее часто выражается в **конструкциях с противопоставлением**: *тако жидове, i еретици, многи книги почитавше, а разума добра не имеша* (Слово истолковано мудростью, по сб. XIV в. [3, с. 82]).

Приведенные примеры отражают негативную оценку лексем и высказываний, эксплицируемую ими вне зависимости от знания читателем идеологической установки автора. Они составляют лишь

часть проанализированных характеристик язычества в полемических текстах. Сложнее квалифицировать характер оценки слов *жидовинь, сорочинь, волхвъ, чародеиц*; выражений *требы... силны творяху; начаша жрети молнии и грому* и подобных. Для православного верующего они заключают частноотрицательную нормативную оценку: неправильно не быть христианином, совершать нехристианские действия. Однако как разграничить предполагаемые фоновые и языковые знания представителя древнерусской культуры? Это невозможно. Номинативные единицы такого рода: *погани елини, философи халдейстии, слугы кумиромъ* и многие другие – абсолютно преобладают в проанализированных текстах над единицами, допускающим однозначную интерпретацию способа выражения оценки как эксплицитного.

В связи с этим видится методологически оправданным принять следующее положение: лексемы, называющие в древнерусском языке представителей иной веры и их действия, различные связанные со служением культу реалии, а также имена божественных и демонологических героев, выражают только **имплицитную** оценку. Это касается даже лексем типа *идоль, дьяволь, бесъ* и их производных: на наш взгляд, прилагательные *идольскыи* и *бесовьскыи* прямо номинируют связь предмета с языческим изваянием и существом низшей демонологии, и только в контексте обличительной речи поборника православия они приобретают отрицательную нормативную оценку «чужой». То есть это нейтральные в системе языка номинации, получающие экспрессивность в речи. Такой подход может вызвать множество возражений как неоправданно сужающий семантику лексических единиц, однако альтернативный ему пока что нам не представляется.

Единственным надежным критерием разграничения прямой и скрытой оценки применительно к памятникам письменности является наличие оценочного компонента в словарных дефинициях лексем, входящих в анализируемое высказывание. Такая строгая установка уменьшает неизбежную гипотетичность аксиологической характеристики. Анализ источников в свете заявленного подхода показал преобладание контекстов, содержащих имплицитную оценку иной веры на уровне номинативных единиц, которая далеко не всегда становится явной на уровне высказывания. В целом, наблюдение над стилем текстов показало, что православные полемисты часто не считали необходимым доказать свою правоту и оказать сильное эмоциональное воздействие на читателя и слушателя; скорее, они обращались к адресату заведомо как к единомышленнику и называли иноверцев,

описывали их действия и состояния для иллюстрации своего отрицательного отношения, а не для его обоснования.

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека.— М.: Языки славянской культуры, 1999.— с. 198—199.

2. Болдырев Н. Н. Оценочные категории как формат знания [Электронный ресурс].— 2013.— Режим доступа: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/189.pdf>.— Дата доступа: 05.10.2012.

3. Гальковский Н. М. Борьба христианства с язычеством: В 2 т.— М., 1913—1916.— Т. 2, 1913.— 309 с.

4. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т.— М.: Знак, 2003.— Т. 3.— С. 229.

] (] : ' ']] (((]] ((] :]]